

Номер № 1—2 за 1986 г. был посвящен анализу современной городской культуры (на примере Цюриха), а № 3—4 — традиционному питанию швейцарцев.

Было бы, конечно, преждевременно утверждать, что в швейцарской этнографии произошли коренные перемены. Нет, сделаны лишь первые шаги с целью преодоления консервативности и традиционализма, которые стали тормозом на пути развития теоретического осмысления этносоциальных и этнокультурных процессов, происходящих в стране. Швейцарским ученым предстоит еще многое сделать, и тогда, мы надеемся, слова Арнольда Нидерера о том, что «в общем и целом швейцарская этнография развивается по традиционному пути, что обнаруживается в преобладании так называемых чистых исследований и почти полном отсутствии теоретических работ»²³, можно будет с полным основанием отнести к прошедшему этапу.

²³ *Niederer A. Zur volkskundlichen Forschung... S. 225.*

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

В. П. Алексеев. Этногенез. М., 1986. 176 с.

Этнография, основным объектом изучения которой являются народы, издавна интересовалась происхождением этих народов или этногенезом. Проблемы этногенеза составляли существенную часть многих этнографических исследований, особенно активно обсуждались при создании многотомной серии «Народы мира», завершённой в середине 1960-х гг. В последующие годы работа по уточнению происхождения многих народов мира продолжалась. Не прекращалось и осмысление проблем этногенеза; появилась концепция этнических процессов, в которой этногенез рассматривался как результат процессов этнической сепарации, консолидации, миксации и т. п. Однако усиление в начале 1970-х гг. внимания к современным этническим процессам (часто с историческими экскурсами лишь в XIX в.) привело к тому, что изучение процессов, происходивших в древности и в средневековье, как бы отошло на задний план. Не получила дальнейшей разработки и общая методология этногенетических исследований на всех исторических стадиях развития человечества. Поэтому обращение к данной тематике такого известного ученого, как В. П. Алексеев, можно лишь приветствовать.

Рецензируемая книга, сравнительно небольшая по объему, но очень насыщенная по содержанию, состоит из Введения и пяти глав, которые в свою очередь разбиты почти на три десятка разделов; некоторые из них — размером всего в 2—3 страницы — написаны почти в конспективном стиле. Если учесть, что в работе много фактов и оригинальных умозаключений в глобальных, так сказать, масштабах, то будет понятно, что такую книгу очень трудно анализировать; поэтому мне придется ограничиться рассмотрением лишь основных выводов в надежде, что она привлечет внимание и других рецензентов.

Во Введении автор отмечает слабую, на его взгляд, разработку этногенетических проблем и их сложность. Этногенетическая реальность, — пишет он, — «проявляется в разных исторических плоскостях (?) и поэтому находит отражение в разных исторических источниках, на нее влияют многие не только исторические, но и внеисторические факторы, например географическая среда. Проблема изучения этногенеза есть поэтому проблема междисциплинарная... По мере накопления информации в исследовании этногенеза эта проблема выделится... в особую науку» (с. 3). Высказав на первой же странице Введения идею о том, что «проблема этногенеза» должна изучаться особой наукой, автор подкрепляет ее затем утверждением, будто бы этнографам вообще следует ограничиться изучением этноэволюционных процессов, оставив этнотрансформационные. Он утверждает: «Выдвижение этнических общностей разных типов в качестве основных объектов этнографической науки (здесь он почему-то ссылается на труды Ю. В. Бромлея, хотя это „выдвижение“ имеет давнюю традицию — В. К.), приобретающее в настоящее время, к сожалению (?!), программный характер в ущерб изучению исторической этнографии и традиционных культурных институтов, автоматически включает и научный подход к этногенезу в русло этнографии, сужая в рамках научного исследования его подлинные реальные границы и нарушая отмеченный выше междисциплинарный принцип его изучения. Поэтому до выделения самостоятельной науки, изучающей этногенез, так сказать, этногенезологии, следует рассматривать этногенез как проблему исторической науки в целом...» (с. 6).

Мне представляется, что автор недооценивает возможности этнографии. Конечно, на одних этнографических материалах решить все проблемы этногенеза, как правило, нельзя; этнография должна здесь привлекать материалы других наук. Однако само это обстоятельство и вообще ссылка на «междисциплинарность» проблемы относится, ведь, и ко многим другим научным проблемам, например к проблеме расогенеза. Между тем никто еще не предлагал создать особую науку — «расогенезологию», и полагаю, что сам В. П. Алексеев стал бы против этого возражать. Каждая наука должна изучать происхождение своих основных объектов, и этнография здесь не является исключением. Впрочем, оставим эти споры для участников дискуссии, идущей в «Советской этнографии», и обратимся к тому, как именно нужно изучать проблему этногенеза. В. П. Алексеев пишет: «Основной целью этногенетической работы в подавляю-

шем большинстве случаев является выявление этнических компонентов, принявших участие в сложении того или иного народа, и рассмотрение условий, способствующих консолидации этих компонентов и появлению этнического самосознания» (с. 8). Против этой формулировки, я думаю, никто из этнографов возражать не будет, и потому перехожу к рассмотрению рецензируемой книги по главам, в которых автор пытается по возможности решить сформулированные задачи и создать методологическую основу или каркас будущей, как пишет он, «этногенезологии».

Название 1-й главы «Этногенетические пучки и их реконструкция» не вполне точно отражает ее содержание. В ней говорится о возможности группировки (классификации) народов по антропологическому, географическому, культурно-хозяйственному, типологическому (по типам этнических общностей), лингвистическому, «узко-этнографическому» (по элементам культуры) и историко-этнографическому принципам. Придавая особое значение последнему, автор указывает, что «здесь во главу угла при классификации народов ставится их общая историческая судьба, которая устанавливается не только с помощью этнографических, но и с помощью всех доступных исследователю данных — исторических, археологических, лингвистических, антропологических и других» (с. 17). Что такое «общность исторической судьбы» автор не поясняет: мне вспомнилось, что этим выражением воспользовался еще О. Бауэр, определяя нацию как «совокупность людей, связанную в общность характера на почве общности судьбы», но оно с тех пор так и не оформилось в научное понятие. Тем не менее, В. П. Алексеев как-то связывает с ним выделение историко-этнографических провинций, областей и районов, заметив, впрочем, что понятие «историко-этнографической общности» не может считаться «четко охарактеризованным» (с. 23). С этим замечанием можно согласиться, но тогда пристальное внимание, уделенное автором историко-этнографическому принципу классификации народов, представляется малообоснованным.

В последнем разделе этой главы «Родство народов и реконструкция этногенетических пучков» В. П. Алексеев поясняет, что под таким пучком «понимается группа народов, связанных между собой общим генезисом» (с. 25), после чего отмечает многочисленность этнических признаков, справедливо указывая на важность этнического самосознания, языка и культуры. В связи с имеющимися в литературе различными оценками значения такого элемента этноса, как территория, уместно заметить, что В. П. Алексеев подчеркивает ее большое значение для жизни любого народа. В заключение делается вывод, что «этногенез — не составной, а целостный процесс» (с. 34), с чем, конечно, нельзя не согласиться.

В главе 2 «Общие проблемы антропологической реконструкции и антропологические данные в реконструкции этногенетических пучков» В. П. Алексеев приступает к выполнению обещанного читателям еще в названии 1-й главы. Однако начало этой работы, видимо, удовлетворит далеко не всех читателей. Развивая сделанное еще в 1-й главе замечание о том, что идея прямой причинной связи между расой и языком, расой и культурой неизбежно приводит к расизму (с. 11), автор сразу же предупреждает, что «...антропология полностью безразлична к культуре и языку, антропологические характеристики полностью независимы от культурно-исторических и лингвистических, поэтому использование данных о биологических особенностях человеческих популяций в реконструкции этногенетического процесса в целом и конкретных этногенезов требует отчетливого представления о всех встающих на этом пути трудностях соблюдения определенных методологических правил и исключительной осторожности в интерпретации результатов» (с. 35). На последних страницах этой главы делается вывод: «Как бы высоко не оценивать возможности антропологического материала как источника этногенетической информации, нужно еще раз специально подчеркнуть, что в нем самом не заложено никаких этнических определителей» (с. 62). Между этими приведенными цитатами содержится текст, в котором автор характеризует развитие исторической антропологии, используемые в ней показатели, особенности их синхронных и диахронных сопоставлений, границы реконструкций морфологических и психофизиологических характеристик и другие вопросы исторической антропологии. Однако и в этой главе автор так и не подходит непосредственно к анализу проблемы этногенеза, не дает в качестве примера реконструкции ни одного «этногенетического пучка». Но это и понятно, ибо этногенез должен восстанавливаться, по автору, как «целостный процесс», а антропологический материал сам по себе не имеет этногенетического содержания. Зато остается не вполне понятным, почему автор так «высоко» оценивает его возможности в этом отношении.

Работу по реконструкции этногенетических пучков В. П. Алексеев по- существу начинает лишь в 3-й главе — «Этногенетические пучки в пространстве». В первом разделе ее «Типология этногенетических пучков» он выделяет два основных типа: «иерархический», который в свою очередь подразделяется на «этногенетические ветви» и объединяющие их «этногенетические стволы» и «кустовой» (каждый «этногенетический куст» не поддается дальнейшему расчленению и должен рассматриваться как целое — с. 70—71). Второй раздел главы, превосходящий по своим размерам любую из других глав книги, содержит краткое описание 49 этногенетических «ветвей», выделенных автором по всему земному шару. Далее В. П. Алексеев рассуждает о возможностях выделения некоторых этногенетических «стволов», а также выделяет 6 этногенетических «кустов», не относящихся к «ветвям» и «стволам».

В главе 4-й «Начальный этап этногенеза» — автор снова несколько отходит от магистральной тематической линии. В основных разделах ее он, как всегда умело, характеризует этапы формирования рас, исходную модель расообразования, раннюю географию популяций и скорость изменения антропологических признаков. В этой же

главе имеются разделы о начале этногенеза (где вновь говорится о признаках этноса), об этнолингвистических и этнопсихологических факторах (где язык рассматривается как фактор этнообразования и подчеркивается важность осознания людьми языковых различий), но они помещены чересполосно с антропологическими разделами и выглядят в таком соседстве несколько странно. В последнем разделе этой главы «Географическая сопряженность расо- и этнообразования как исходное состояние» предлагается гипотеза, относящаяся к самым ранним этапам истории человечества, когда «группы популяций древнейших гоминид представляли собой первичные ячейки не только расообразовательного, но и этногенетического процессов» (с. 153). К сожалению, этногенетическое значение этой гипотезы сильно ослаблено тем обстоятельством, что «самые ранние стадии нижнего палеолита», к которым она отнесена хронологически, отделены от времени появления *Homo sapiens* и вместе с ним первых этнических общностей почти двумя миллионами лет.

В небольшой последней 5-й главе «Этногенетические пучки во времени» В. П. Алексеев пишет об основных модусах этногенеза. Первичными среди них считается действующий с эпохи палеолита модус «автохтонного развития», приносящий, по мнению автора, к иерархической типологии этногенеза, и модус «этнической непрерывности», создающий «предпосылки для образования этногенетических кустов» (с. 156); более поздними — действующими с эпохи неолита — модусы «миграций» и «расселения». В главе приводится таблица «Распределение этногенетических пучков (ветвей и кустов) по времени их формирования и модусам этногенеза», содержание которой несколько противоречит указанию о хронологическом соотношении различных модусов; по таблице получается, например, что модус миграций активно действовал во многих областях земного шара примерно в то же самое время, а нередко и рядом с теми областями (это относится к Южной Америке), где действовал модус автохтонного развития. Здесь же приведена карта «Распространение этногенетических пучков» и таблица 2 «Использование разных видов исторических источников при выделении этногенетических пучков», относящиеся больше к содержанию 3-й главы. В заключительных разделах главы автор отмечает, что «этногенетическая динамика сопровождает исторический процесс на протяжении всей или почти всей (?) истории человечества» и что формирование этногенетических пучков падает «на эпохи первобытного общества, рабовладельческого строя и феодального общества» (с. 165). Касаясь демографического фактора, В. П. Алексеев отмечает, что на развитие этногенеза численность населения не оказывает существенного влияния, но этногенетические пучки, как таковые, «могли появиться лишь после достижения человечеством определенного уровня численности, эмпирически (?) устанавливаемого примерно в 3 млн.» (с. 169). Этого, как предполагает автор, человечество достигло к V—II тысячелетиям до н. э.

Как отчасти видно из вышеизложенного, рецензируемый труд весьма богат в содержательном отношении, но не лишен некоторых погрешностей, причем одни из них носят частный, а другие — более общий характер. При изложении содержания книги мне приходилось отмечать лишь некоторые из них. Между тем эта книга как по масштабности и оригинальности содержания, так и по своему предназначению должна служить «учебным пособием» для студентов, получающих специальность «историка», заслуживает более обстоятельного критического анализа. Полный ее анализ, включающий антропологическую и лингвистическую проблематику, очевидно, может быть проведен лишь несколькими специалистами.

Задачи данной рецензии ограничиваются рассмотрением основных выводов автора по проблемам этногенеза, изложенных главным образом в 3 и 5-й главах книги.

Нетрудно заметить прежде всего, что автор выполнил свои обещания перед читателем лишь частично. В работе, специально посвященной этногенезу народов мира, фактически не рассмотрено, хотя бы в качестве примера, происхождение ни одного из существующих народов, ибо все конкретные рассуждения обычно не идут дальше выделения «этногенетических пучков». Пользуясь образной ботанической терминологией автора, можно сказать, что перед читателем предстает некая растительная ассоциация из нескольких смутно выступающих «стволов» (о них речь пойдет далее), около полусотни более или менее четко выступающих «ветвей» и шести отдельно стоящих «кустов», причем, продолжая эту метафору, можно было бы сказать, что ни на ветвях, ни на кустах нет ни листьев, ни плодов. В тексте глав не только не рассмотрены, но даже не упомянуты такие важные факторы этногенеза как государственный и религиозный, а без их учета совершенно невозможно понять происхождение, например нескольких южнославянских народов, говорящих на одном сербскохорватском языке, одинаковых в антропологическом отношении и очень близких по материальной, да и по многим элементам духовной культуры. Нельзя понять, в частности, и происхождение латиноамериканских народов, но к этому, как и ко многим другим вопросам этногенеза автор вообще не обращается, так как обрывает рассмотрение этногенетических проблем примерно XV веком н. э., когда европейцы еще не начали заселять другие части света. В. П. Алексеев, к сожалению, не замечает, что этногенез существующих ныне народов к тому времени был еще отнюдь не завершен; впрочем, процессы этногенеза (как и процессы расогенеза) продолжают и сейчас. Учитывая это, в рецензируемой книге, чтобы не разочаровывать читателей, следовало бы дать более узкое название, скажем, «Начальные этапы этногенеза», соответственно изменив и формулировку ее задач во Введении.

Встает, однако, вопрос, а можно ли было бы считать в этом случае, научный, так сказать, вексель на меньшую, но все еще значительную сумму информации целиком оплаченным? Полагаю, что нет. Работа, как уже отмечалось, написана очень сжатым, кое-где конспективным стилем, который обычно употребляется, когда тот или иной ав-

тор желает дать краткое описание чего-то в главных чертах, т. е. схематично. Но в книге, к сожалению, не дана схема и начальных этапов этногенеза; более или менее четко выступают лишь отдельные контуры, сложить которые в целостную картину трудно даже квалифицированному читателю.

Показательно, прежде всего, что в книге по существу полностью обойдено вниманием появление на Земле людей современного вида, с чего собственно и началась вся история человечества, в том числе его этническая история. Существует, как известно, две основных гипотезы происхождения человека: моноцентрическая, по которой он возник на базе близкородственных популяций гоминид, обитавших в довольно обширной области Ближнего Востока, и полицентрическая, по которой он возник на базе более различающихся популяций гоминид, обитавших в областях Африки, Европы, Восточной и Юго-Восточной Азии. По первой гипотезе расогенез начался в ходе расселения человека по другим областям земного шара, по второй — каждая из исходящих групп гоминид дала начало особой расе: негроидной, европеоидной, монголоидной и австралоидной. Возможно, что автор еще не сделал окончательного выбора между той и другой гипотезами, но игнорировать их не следовало, так как каждая из них предполагает свою схему начального этапа этногенеза: моноцентрическая — развитие этого процесса из одного «ствола» с дальнейшим разделением на крупные и мелкие «ветви», полицентрическая — сразу из нескольких «стволов». Кстати сказать, как первая гипотеза, представляющаяся мне более основательной, так и вторая гипотеза, предполагают, что человек возник лишь на части, заселенной им позже суши и что в эту часть (или части) не входили северная Евразия, Северная и Южная Америка, а также Австралия, поэтому ни этногенетические «стволы», ни «ветви» не могли возникнуть там иначе, как в результате миграций. Выдвинутое автором и постулируемое им по отношению к Америке положение о том, будто бы первоначальным «модусом этногенеза» было «автохтонное развитие» лишено должного основания и не укладывается в ни в какую схему этногенеза.

В разделе 3-й главы, посвященном «этногенетическим стволам», В. П. Алексеев рассматривает несколько предположений о давнем родстве ныне самостоятельных языковых семей и лингвистически отдельных языков (кетского, баскского и др.). Наиболее пристальное внимание он уделяет нестратической гипотезе, в которой постулируется древнейшее языковое родство, объединяющее семито-хамитские, картвельские, индоевропейские, дравидийские и урало-алтайские... языки» (с. 114). Но следовать за его рассуждениями об этой и других лингвистических гипотезах как-будто нет оснований, ибо, по его же словам, «лингвистические данные недостаточно надежны, чтобы на базе их выделять этногенетические стволы». «К сожалению, — добавляет автор, — это следует повторить и про историко-этнологический материал» (с. 121). Отвергнув и археологические источники, В. П. Алексеев считает подходящим для выделения этногенетических «стволов» лишь антропологический материал. Он связывает эти «стволы» с малыми расами и таким путем выделяет на территории Америки «два этногенетических ствола — североамериканский и южноамериканский, охватывающий народы Центральной Америки и Мексики» (с. 123). Кроме того, автор выделяет «североазиатский ствол локального этногенеза», «азиатско-океанийский», «островной океанийский», «средиземноморский», «северный или балтийский» и «африканский» (с. 124—125). Однако ни один из этих «стволов» не введен в таблицу «модусов этногенеза» и (что более существенно) в таблицу «этногенетических пучков»; читателям представляется самым догадываться о том, прикреплены ли названные там этногенетические «ветви» к определенным этногенетическим расовым «стволам» или таинственно «висят» отдельно от стволов. От работы, претендующей на то, чтобы дать глобальную схему этногенеза, следовало бы ожидать большей четкости.

Что касается выделения этногенетических «ветвей» и «кустов», то и в этом деле кое-что вызывает сомнение. Таблица 2, отражающая «исторические источники» такой работы (с. 162—163), свидетельствует, что комплексное использование лингвистических, историко-культурных и антропологических данных, к чему В. П. Алексеев призывал с самого начала книги во имя создания науки «этногенезологии», не удалось. Из 49 ветвей по комплексному принципу выделено всего 5: патагонская, малоазиатская, восточнобалтийская, арабийско-африканская и центрально-африканская. Уместно отметить, что и на основании «лингвистической общности» выделено только 6 ветвей: байкальско-монгольская, тибетская, индонезийская, индийская, среднеазиатско-иранская и среднеазиатско-казахстанская; кроме того, в основном по лингвистическим данным (другой источник по существу не работает, так как охватывает соседние ветви) выделено еще 4 ветви: южноандийская, североамазонская, гвианская и центральных равнин. Только на основании «антропологических наблюдений» выделено 4 ветви: чукотско-камчатско-сахалинская, корейско-японская, западно-сибирская и сомалийская; в основном по антропологическим данным — еще 3 «ветви»: закавказская, северозакавказская и центральноафриканская. Почти все остальные «ветви» выделены по сочетанию каких-то двух признаков. Переходя к этногенетическим «кустам», отмечу, что из 6 «кустов» по комплексу «исторических источников» выделено 4: восточно-азиатский, австралийский, северо-индийский и восточноевропейский; кроме того восточно-амазонский «куст» выделен по сочетанию «историко-культурных данных» и «антропологических наблюдений». На каком основании выделен Ла-Платско-андийский «куст» остается неизвестным.

Рассмотрение сущности всех выделенных В. П. Алексеевым «ветвей» и «кустов» может составить задачу отдельной обширной рецензии, тем более, что четких единых образных принципов их выделения нет. Мне не вполне понятно, например, почему группа северо-индийских народов, говорящих на языках индоарийской группы индо-

европейской семьи, представлена в виде «куста», а не в виде «ветви», как другие группы этой семьи. Как уже отмечалось, автор считает основной особенностью «куста» его нерасчленяемость, но в действительности они расчленяются не в меньшей степени, чем большинство «ветвей». Сами «ветви» представлены в одних случаях народами, языки которых составляют по лингвистической классификации лишь часть языковой группы (например, «ветви» — «скандинавская» и «восточнобалтийская»), в других — народами, языки которых относятся лингвистами к различным семьям (например, «ветви» — «новогвинейская» и «северо-амазонская»); «лингвистическая общность», приписанная автором таким «ветвям» в действительности весьма призрачна. Однако наибольшее недоумение вызывает то, что автор, выделив ранее по антропологическим данным расовые «стволы», а затем по «антропологическим наблюдениям» — отдельные «ветви», называет такое древо — «этногенетическим». В схему этногенетического процесса такие построения не укладываются; впрочем, они не согласуются и с призывами автора к большой осторожности при использовании антропологического материала для «этногенетических реконструкций», ведут к биологизации этнокультурных процессов.

Из числа имеющихся в книге конкретных погрешностей не могу не отметить утверждение, будто бы человечество достигло численности в 3 млн. человек лишь в V—II тысячелетиях до н. э. По оценкам видных историко-демографов за 5 тыс. лет до н. э. на Земле уже было 30—50 млн. человек; к началу н. э. эта численность превысила 250 млн. человек (см. Reinhard M., Armengaud A. Histoire générale de la population mondiale. P. 1961).

Анализ содержания рецензируемой книги позволяет сделать вывод, что перед нами интересное произведение, которое, очевидно, следовало бы назвать «Очерки по начальным этапам этногенеза» и опубликовать их в порядке обсуждения. Впрочем, вне зависимости от названия книги, широкое обсуждение ее может оказаться очень полезным для разработки сложных проблем этногенеза, позволит более основательно подойти к познанию современной этнической картины мира. А вот в качестве учебного пособия для студентов — будущих историков — эта книга явно не подходит ни под ее теперешним неоправданно широким, ни под более узким и точным названием. Обилие дискуссионных вопросов, изложенных без показа их дискуссионности, небрежность многих важных формулировок, а главное нечеткое или неточное представление о схеме (схемах) этногенеза говорит о том, что монография не соответствует требованиям, предъявляемым к учебным пособиям.

В заключение надлежит сказать, что перед изданием книга рецензировалась кафедрой археологии и истории древнего мира Воронежского университета и видным специалистом по археологии Восточной Сибири и Дальнего Востока А. П. Деревянко, которые, не обратили должного внимания на имеющиеся в ней пробелы и недостатки. Полагаю, что рецензенты-этнографы были бы здесь полезнее.

В. И. Козлов

* * *

Начиная с 20-х годов нашего века, когда Н. Я. Марр впервые ввел в научный обиход понятие «этногенез», вопросы происхождения этнических общностей неизменно привлекают внимание советских этнографов. Эта область исторического знания почти совершенно не разрабатывается западными учеными (да и сам термин «этногенез» ими, как правило, не употребляется¹), поэтому основные достижения в изучении этногенеза народов мира — результат изысканий советских исследователей. Однако тут сложилась удивительная ситуация: при обилии разнообразных и нередко весьма ценных частных разработок на протяжении длительного времени у нас ощущается явный дефицит фундаментальных обобщений. Разгадка парадокса лежит на поверхности. Проникновение в законы сложения этнических общностей возможно лишь в результате осмысления природы этноса. Между тем в предвоенные десятилетия над советской этнографией довлело негативное отношение к проблемам теории этноса как якобы категории буржуазной науки. Лишь в начале 1950-х годов С. А. Токарев и Н. Н. Чебоксаров впервые пришли к заключению, что «советские этнографы должны решать и такой важный для методологии этногенетических исследований вопрос, как вопрос о сущности так называемого „этноса“ — основного объекта изучения этнографии как науки»².

Практический перелом в этом направлении произошел лишь лет пятнадцать тому назад, после чего необходимость изучения теоретических проблем этногенеза стала ощущаться особенно остро. Появление книги В. П. Алексеева, задуманной как небольшое по объему учебное пособие для студентов, по своему значению намного выходящей за эти скромные рамки, подводит, таким образом, итоги значительного периода в истории нашей этнографической науки.

Основная заслуга автора заключается, на мой взгляд, прежде всего в том, что он подходит к этногенезу не как к составному понятию, охватывающему разнообразные

¹ В качестве редкого исключения можно указать на работы Ф. Лемана (см., например, Lehman F. K. Who Are the Karen and If So Why? Karen Ethnohistory and a Formal Theory of Ethnicity. // Ethnic Adaptation and Identity: the Karen on the Thai Frontier with Burma. Philadelphia, 1979. P. 216).

² Токарев С. А., Чебоксаров Н. Н. Методология этногенетических исследований на материале этнографии в свете работ И. В. Сталина по вопросам языкознания // Сов. этнография. 1951. № 4. С. 12.